

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

**Алексей
МАКЕЕВ**

**Опасная
масть**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использован коллаж
из рисунков художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Опасная масть / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
320 с. — (МУРУ — 90 лет. Лучшие романы Н. Ле-
онова).

ISBN 978-5-04-090175-3

В люксе фешенебельного столичного отеля обнаружен труп депутата Государственной думы Константина Вингрова. По всем признакам народный избранник скончался в результате банальной остановки сердца, но эксперты уверены, что Вингров был убит. Дело в том, что ко лбу депутата была приклеена игральная карта — дама пик, и этот факт говорит не в пользу версии о естественной смерти. Расследование поручают полковникам Гурову и Крячко. Крячко остается «копать» в Москве, а Гуров в поисках зацепок отправляется на родину депутата, в Ярославль. Следователя интересует информация о криминальной молодости Вингрова. Что-то подсказывает ему, что разгадку тайны «пиковой дамы» следует искать в далеком прошлом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090175-3

© Макеев А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

...Убитого обнаружила горничная Фаина Лантухина. По официальной версии, она вошла в этот люкс якобы только потому, что постоялец вызвал к себе обслуживающий персонал по простой и обыденной причине — нужно было заменить раздражавшее его взор постельное белье фиолетового оттенка на салатно-зеленоватое. Ну а если по правде, то на этот час именитый обитатель номера в одном из самых дорогих столичных отелей «Онтарио» просто-напросто назначил ей свидание. Не первой молодости сластолюбец намекнул ей на щедрый гонорар за некоторые «любезности», каковые хотел бы от нее получить. Не срослось...

Фаина даже не предполагала, сколь угнетающее впечатление окажет на нее вид распростертого на диване с умопомрачительной обшивкой раскормленного мужика в дорогом халате. Крупный предприниматель и депутат Госдумы Константин Вингров полусидел-полулежал, откинувшись назад и безвольно свесив руки с выставленными вперед ладонями. На волосатых

ногах, выглядывающих из-под долгополого японского халата, расшитого драконами, были надеты заурядные шлепанцы вьетнамского производства. Голова усопшего — бесформенная, плешивая, с неаккуратными ушами и крючковатым носом, откинута на спинку дивана, наклонена к левому плечу.

Но самым невероятным во всей этой картине выглядела игральная карта с изображением дамы пик, прилепленная ко лбу покойника. Именно это и стало поводом к тому, что гибель данного субъекта общегосударственного значения сразу же и безоговорочно была признана убийством. Правда, Фаина, войдя в номер и увидев Вингрова с вытаращенными глазами, исполненными безмерного ужаса, и мучительно перекошенным ртом, на какое-то мгновение подумала, что это его очередная шутка. Проживая в гостинице неоднократно, Константин Вингров успел зарекомендовать себя весьма неординарной по части розыгрышей и всевозможных приколов личностью. Горничная даже хотела подойти к постояльцу и, включившись в затеянную им игру, пощекотать его под мышками — она уже знала, что депутат ужасно боялся щекотки. Однако, сделав всего пару шагов в его сторону, внезапно замерла, словно ее ноги примерзли к полу, — Фаина почти физически ощутила, каким ледящим холодом смерти веет от тела мужчины. Дрожа от страха, она с пронзительным воплем ринулась вон из но-

мера, переполошив всех, кто в этот момент оказался в коридоре. И не только их. Из соседних люксов и полулюксов начали высовываться недоумевающие постояльцы, которых заинтересовала причина отчаянного визга, заполнившего гостиничный этаж.

Прибывшая опергруппа, не явив и малейших признаков каких-либо эмоций (эка невидаль — очередной жмурик нарисовался!), приступила к своей привычной рутинной работе. Судмедэксперт с равнодушием огородника, опрыскивающего очередную сотку картошки карбофосом, проверял степень трупного окоченения тех или иных групп мышц убитого, пытаясь найти на его теле следы каких-либо механических повреждений — ссадин, кровоподтеков, царапин, ранений, нанесенных холодным или огнестрельным оружием, а также подкожных, внутримышечных, внутривенных инъекций. Однако все его усилия оказались напрасны — усопший был абсолютно невредим, словно только что снесенное диетическое куриное яйцо.

Не удалось явить свои профессиональные дарования и криминалистам, искавшим оставленные убийцей отпечатки пальцев, оторвавшиеся от одежды пуговицы, выпавшие из кармана ключи или зажигалки. Единственное, что ими было добыто, — окурки из большой хрустальной пепельницы. К досаде сыщиков, таинственный преступник оказался на редкость

осторожным и предусмотрительным. Кроме того, обладающим еще и некоторыми паранормальными способностями. В самом деле, как и чем можно было объяснить то, что никто из соседей по коридору, никто из обслуживающего персонала вообще не мог припомнить каких-либо посторонних, кто за последние два часа заходил в номер Вингрова. Словно в отеле завелся некий кровожадный невидимка, способный проникать через стены и убивать одним лишь взглядом. Ведь если бы не издевательски прилепленная карта, кончина депутата-предпринимателя объяснялась бы причинами естественного порядка — сердчишко остановилось, и настал «слуге народа» полный карачун.

Полное и детальное вскрытие убитого в судебном морге, исследование его внутренних органов на содержание в их паренхиме ядов или токсинов, тоже ничего не показало. У Вингрова как бы просто так, само по себе остановилось сердце. В момент паузы между систолой и диастолой оно отчего-то больше не захотело ни сокращаться, ни расслабляться.

Следователь районной прокуратуры, допросивший Фаину, так и не смог добиться от нее признания, что это она специально, по причине личной неприязни к усопшему прилепила ему на лоб карту, а на самом-то деле умер он сам по себе и никакого убийства не было и в помине. Но горничная, будучи дамочкой хоть и далекой от святости, но не лишенной здравого

смысла, упорно доказывала, что никаких манипуляций с картами не проделывала и проделывать не намеревалась.

Фаина даже пошла на то, что призналась, в чем была истинная подоплека ее визита в номер Вингрова. Поскучневший следователь, уже предвкушавший, как своим росчерком переведет этот скандальный случай из разряда «убийство при невыясненных обстоятельствах» в «мелкое хулиганство из чувства личной неприязни», поинтересовался, часто ли у депутата бывали женщины. Горничная, энергично закивав, подтвердила, что «слуга народа», ежели по правде и по совести, вел себя подобно оголодалому «кобелино». Иные дни у него в номере бывало по две, а то и по три девицы с панели.

Удивленно почесав лоб, следователь выразил сомнение — неужели со всеми своими визитершами Вингров ухитрялся, так сказать, «откувыркаться по полной программе»? Знающе усмехнувшись, Фаина с таинственным видом сообщила ему, что покойничек перед свиданиями постоянно «фуговал» себе какие-то импортные уколы. Это соответствовало действительности — в вещах убитого оказалось несколько коробок с ампулами импортного секс-стимулятора «Сатириазон», который был передан фармацевтам для исследования.

А опера райотдела, хорошо понимая, что глухарь в подобной ситуации невозможен (не

дворник же дядя Федя представился по причине злоупотребления чаем и кефиром!), активно рыли и копали во всех направлениях. Они дошнейшим образом опросили соседей Вингрова по гостинице, просеяли весь, без исключения, персонал, сумели даже разыскать некоторых тружениц панели, с которыми тот так любил развлекаться... Но никаких следов, никаких зацепок найдено не было. Попытки разыскать родственников Вингрова тоже оказались безуспешными — таковые отсутствовали.

А в главном представительном органе страны тем временем начали закипать настоящие страсти. Сообщение о смерти коллеги было сделано спикером Думы на одном из пленарных заседаний, на что собравшиесяотреагировали традиционными вставанием и минутой молчания. Далее, в процессе обсуждения полученной информации, парламентарии высказались о необходимости проведения самого тщательного и скрупулезного расследования, которое позволило бы в кратчайшие сроки выявить как заказчиков, так и исполнителей «зверского убийства народного избранника».

Наиболее жестким и бескомпромиссным было выступление однопартийца Вингрова по Партии Процветания России (ППР), гневно заклеившего «негодяев, которые спят и видят крах нашей страны, для чего и уничтожают ее лучших сынов», а также потребовал личного

отчета о ходе расследования глав МВД, Генпрокуратуры и Следственного комитета. Участники заседания его предложение приняли, почти единогласно проголосовав «за».

Старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска при МВД полковник полиции Лев Гуров поздним вечером сидел у себя дома и смотрел по телевизору новости столицы и столичного региона. Без особых эмоций просмотрев двухминутный сюжет об открытии новой станции метро, он не мог сдержать саркастического смеха, когда эфэмэсники горделиво объявили о «выдворении за пределы страны» аж сразу двух нелегалов из Средней Азии. Причем один из них уже выдворялся год назад с запретом въезжать еще на пять лет вперед, а другой вообще не имел никаких документов. В самом деле, чем гордиться, если нелегалов на каждом шагу — хоть эшелонами вывози?! А «легалы»-то чем лучше? Только тем, что получили в ФМС бумажку на право пребывания в России. И при этом, несмотря ни на какие «тысяча первые китайские предупреждения», очень часто творят всевозможные непотребства, за которые, по совести сказать, таковым «спасителям российской экономики» следовало бы где-нибудь на Новой Земле пару-тройку лет пасти белых медведей.

В заключение этого сюжета жизнерадостный чиновник из ФМС бодренько отрапортовал о том, сколько нарушителей паспортно-визового режима было выпровожено из России за истекший квартал, одновременно высказавшись за всемерное расширение въезда гастарбайтеров. По его мнению, без высококвалифицированных дворников российской экономике в ближайшие годы может наступить полный кирдык.

Затем перед телезрителями выступил представитель Генпрокуратуры, который рассказал о ходе расследования убийства депутата Госдумы, во многом повторив уже сказанное им ранее. Лев о случившемся позавчера в отеле «Онтарио» был наслышан и воспринимал это громкое происшествие, как и большинство прочих происшествий подобного рода, не более чем лишнее подтверждение грустной российской данности. Для него не было разницы, кто именно убит — простой сантехник или миллионер и заодно член представительной власти. Разумеется, любое убийство всегда и всюду нужно расследовать с максимальным тщанием, дабы виновный в том, что его руками отнята чужая жизнь, понес заслуженную кару. Но Гурова всегда раздражало, когда вокруг убийства «особо избранных» устраивались грандиозные информационные «камлания», тогда как смерть многих тысяч (тысяч!) обычных граждан оста-

валась никем не замеченной. Она всего лишь пополняла статистику, и не более того.

Лев вспомнил одного из соседей по подъезду, который, год назад приехав жить к своей дочери из Украины, частенько комментировал на своем «суржике» те или иные события. Как-то они вместе спускались в лифте, и дед с Полтавщины иронично отозвался о тогдашней шумихе вокруг гибели крупного московского банкира:

— Як помер богатыр, дак собрався весь мир. А як помер беднячок, тильки поп да дьячок...

Неожиданно зазвонил сотовый, лежавший рядом на столе. На мониторе высветилось фото генерал-лейтенанта Петра Орлова, начальника Главка угро.

«Это какого же хрена ему приспичило звонить? — задумчиво нахмурился Гуров — этот звонок, скорее всего, ничего оптимистичного не сулил. — Не иначе собирается втюхать убийство в «Онтарио». Мне, блин, этого только не хватало!..»

Он оказался абсолютно прав. Для проформы поинтересовавшись самочувствием, Петр немедленно перешел к делу.

— ...Телик смотришь? — спросил он строгим тоном, как если бы именно от этого зависело состояние правопорядка не только в границах МКАД, но и за его пределами. — Уловил, в чем юмор? Наши парламентарии жаждут результата в деле поиска убийцы Вингрова.

Местный райотдел уже расписался в том, что буксует и вряд ли что сможет найти. А посему, Лева, как всегда, вся надежда только на вас со Станиславом. Сдавайте свои текущие дела, бросайте все и завтра же приступайте к делу об убийстве в гостинице «Онтарио».

— Японский городской! Я же только сегодня закончил дело по краже из Исторического музея. Больше недели не вылезал из разъездов! Ты же мне обещал по раскрытии сразу два выходящих. Где они? Стас на сегодня уже без пяти минут как закончил расследование убийства цыганского барона. Значит, теперь он свое дело передаст другому и все лавры достанутся кому-то, а он опять как бы в пристяжных, да? Слушай, тебе не стыдно вот так без конца дергать нас обоих?

— Стыдно, Лева, стыдно — говорю, не кривя душой... — тягостно вздохнул Орлов. — Но куда деваться? Мне только сейчас позвонили знаешь откуда? А-а-а... То-то же! В том, что случилось с Вингровым, кое-кто видит политический подтекст. Дескать, официальная власть ликвидирует потенциально опасных ей политиков. Мы-то с тобой понимаем, что этот «великий политик» — пустое место, «голосовальщик» по заказу тех или иных лоббистов. Но — смешно сказать! — по этому поводу сегодня уже раскудахтался американский Госдеп, на днях там намечаются слушания в Конгрессе, англичане задержались... Вот так-то! Того гляди, опять нач-

нутя протестные шествия во главе с Мишей «два процента», Гариком-рокировщиком и Борей Кучерявым. Помнишь же, что было после дела тех трех дебильных кошелок, надумавших плясать в церкви? Такие, понимаешь, пироги...

— Вот, как всегда — на ровном месте да мордой об асфальт!.. — Лев при этих словах только что не зарычал подобно своему гривастому тезке. — Ну, допустим, я согласился. И то — учти! — только по дружбе иду тебе навстречу. Ну а Стасу, будь добр, звони сам. Я его уговаривать не стану.

— Да Стас уже согласен... — несколько повеселев, поспешил уведомить Орлов. — Ну, все! Значит, договорились — завтра приступаете. Лева, как раскроете дело, к этим двум выходным добавлю еще два. Вот те крест!

— Ага! Так я тебе и поверил! — сердито усмехнулся Гуров, нажав на кнопку отбоя.

Выглянув из спальни, его жена — ведущая актриса одного из столичных театров Мария Строева, — сочувственно поинтересовалась:

— Что, Лева, опять выходные отменяются? Ну вот... А я так надеялась, что хоть один денек побудем вместе. По городу погуляем, сходим в тот же Исторический музей — сто лет там не была... Жаль, конечно!

Послезавтра Мария с театром уезжала на двухнедельные гастроли по Западной Европе. Звонок Петра отнял у них единственный день,